

РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРАВОВОЙ РЕЖИМ И ЕГО РАЗВИТИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового режима результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, в условиях современного российского законодательства.

Abstract. The article examines the features of the legal regime governing the results of intellectual activity created using artificial intelligence technologies under the current Russian legislation.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, правовой режим, авторство, российское законодательство.

Keywords: Artificial intelligence, intellectual property, legal regime, authorship, Russian legislation.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) в последние годы приводит к появлению новых результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых без непосредственного творческого участия человека. Традиционно право интеллектуальной собственности основывается на идее человеческого творчества, однако современные ИИ-системы способны генерировать тексты, изображения, музыкальные произведения и изобретения, сопоставимые по уровню с результатами деятельности человека. Возникает проблема правового режима таких результатов: кому принадлежит авторство и исключительные права на произведения и изобретения, созданные ИИ, и нуждаются ли они в правовой охране. Данный вопрос актуален в 2025 году, поскольку использование ИИ стало массовым, а законодательство не успевает за технологическим прогрессом, оставляя пробелы в правовом регулировании.

Цель настоящей статьи – проанализировать действующее правовое положение результатов интеллектуальной деятельности, созданных с помощью ИИ, рассмотреть основные подходы к определению правообладателя таких результатов в доктрине, а также оценить направления развития правового режима с учетом современных научных мнений и инициатив. В тексте приводятся позиции ученых-юристов по данной проблематике, нормативные ориентиры и предложения по совершенствованию законодательства, выработанные в 2021–2025 гг. для восполнения выявленных пробелов.

В российском законодательстве на данный момент отсутствуют специальные нормы, прямо регулирующие объекты, созданные искусственным интеллектом без участия человека. Согласно пункту 1 статьи 1228 Гражданского кодекса РФ автором результата интеллектуальной деятельности признается только гражданин, творческим трудом которого он создан. Аналогично, статья 1257 ГК РФ устанавливает, что авторские права возникают у лица, трудом которого создано произведение. Таким образом, действующие нормы исходят из того, что объект авторского права или изобретение должен иметь человека-создателя. ИИ как самостоятельный создатель законом не рассматривается, и нормы о правосубъектности ИИ отсутствуют.

Это означает, что произведение, полностью сгенерированное автономной системой ИИ без творческого вклада человека, в рамках текущего режима не может признаваться охраняемым результатом – фактически оно выпадает из сферы правовой охраны авторским или патентным правом. Концепция развития регулирования отношений в сфере ИИ 2020 года прямо отмечает, что существующий правовой режим не обеспечивает охрану результатов деятельности ИИ, полученных без творческого вклада человека. На необходимость устранения этого пробела указывают и отечественные исследователи, отмечая, что право пока не поспевает за темпами научно-технического прогресса. Следует разграничивать ситуации использования ИИ. Если система ИИ применяется лишь как инструмент в руках человека, который формирует задачу, отбирает или дорабатывает полученный результат, то итоговое произведение рассматривается как созданное при помощи технического средства, но с творческим участием автора-человека.

Российская судебная практика придерживается позиции, что применение технических средств не исключает наличия авторства человека при наличии творческого вклада – так, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 23.04.2019 № 10 разъяснил, что творческий характер создания произведения не зависит от использования автором технических средств. Поэтому когда результат получен в сотрудничестве человека и ИИ, при творческом контроле со стороны человека, авторские права могут признаваться за этим человеком. Данная точка зрения фактически рассматривает ИИ как вспомогательный инструмент автора. Проблема возникает в случаях, когда произведение создано автономно ИИ или с минимальным участием человека.

Если пользователь лишь запустил алгоритм либо задал общие параметры, а ИИ самостоятельно сгенерировал контент без последующей творческой переработки, то отсутствует конкретное физическое лицо, которое можно однозначно признать автором. В таких ситуациях вопрос о субъекте авторских прав остается открытым. На сегодняшний день подобные результаты интеллектуальной деятельности не получают охраны, поскольку не подпадают под критерий творчества человека. Это подтверждает и обзор практики: в 2023 году Бюро по авторским правам США отозвало первоначально выданную регистрацию на графический роман, созданный с помощью нейросети, указав, что изображения, сгенерированные самим ИИ без минимального творческого вклада человека, не защищаются авторским правом.

Хотя российская система формально не требует регистрации произведения, логика та же – отсутствие человека-творца ведет к неохраноспособности результата. Таким образом, действующий правовой режим результатом деятельности ИИ без участия человека де-факто не предоставляет охраны, что создает правовую неопределенность и риск споров о свободном использовании таких результатов.

В юридической доктрине и зарубежном опыте выработан ряд концептуальных подходов к тому, как следует обращаться с результатами, созданными искусственным интеллектом. Можно выделить три основных позиции:

Признание ИИ самостоятельным субъектом права. Согласно этому подходу, правосубъектность предлагается распространить на искусственный интеллект, то есть ИИ (в виде робота или программы) считается потенциальным автором произведения с признанием за ним определенных прав. Данная точка зрения носит скорее теоретический характер и в настоящее время не поддерживается законодательством. ИИ не обладает ни гражданской правосубъектностью, ни способностью нести обязанности, поэтому наделение его правами автора противоречит базовым принципам права. Российский законодатель однозначно не признает ИИ субъектом авторского права, и подобные идеи встречают обоснованную критику.

ИИ как соавтор человека. Более умеренный подход предполагает частичное признание роли ИИ – результат рассматривается как созданный в соавторстве человека и искусственного интеллекта. При этом человеческий вклад присутствует, но ИИ также считается участником

творческого процесса. Однако с правовой точки зрения соавтором может быть только лицо, внесшее творческий вклад, а ИИ не является субъектом права. Поэтому эта концепция сталкивается с теми же проблемами, что и первая: невозможность признания правовой личности за машиной. В российской практике соавторство подразумевает совместный творческий труд нескольких граждан, что неприменимо к машине. По сути, такой подход – лишь теория, и в действующем праве ему нет места.

ИИ как объект, инструмент в руках человека. Наиболее распространенная позиция состоит в том, что искусственный интеллект рассматривается не как носитель прав, а как технологическое средство, используемое человеком для достижения творческого результата. ИИ в этом случае уподобляется инструменту, а права на созданное произведение должны принадлежать человеку – тому или иному в зависимости от обстоятельств. Именно этот подход де-факто отражен сейчас в российском законодательстве и правоприменении: ИИ – вспомогательное средство, а субъектом прав остается человек.

Тем не менее внутри данной концепции остается открытым вопрос: как определить, какому именно человеку принадлежат права на результат, созданный с помощью ИИ? Возможны разные варианты: права может получить разработчик (создатель алгоритма, программы) либо пользователь (тот, кто непосредственно использовал ИИ для получения результата). Российские исследователи обращают внимание, что при признании человека автором следует решить, кого именно считать таковым – программиста, создавшего ИИ, или пользователя, применившего эту технологию. От ответа на этот вопрос зависит выбор модели правового регулирования.

В дискуссиях последних лет обозначились две основные конкурирующие модели распределения прав между разработчиком и пользователем. Первая модель закрепляет права за разработчиком ИИ (правообладателем программы), вторая – за пользователем (владельцем) технологии. Рассмотрим аргументы сторон и мнения ученых по каждой из моделей. Модель 1: права за разработчиком (создателем ИИ). Данный подход был положен в основу первого законодательного предложения в России по данной теме. В октябре 2020 года депутат А. Кобилев внес законопроект о поправках в ГК РФ, которые предусматривали, что исключительные права на результаты, созданные с использованием ИИ, принадлежат правообладателю соответствующей программы для ЭВМ.

Проще говоря, авторские права предлагалось автоматически отдавать разработчику алгоритма. В пояснительной записке законопроекта отмечалось, что неопределенность в вопросе прав на результаты ИИ может повлечь многочисленные споры и негативно сказаться на развитии инноваций. Такой подход видится достаточно простым технически – он привязывает правообладателя к уже существующему субъекту (создателю софта). Однако многие эксперты критически оценивают данное решение. Так, Т. Е. Орлова считает его в корне неверным: модель передачи прав разработчику не стимулирует создание новых произведений, поскольку права получает лицо, непосредственно не участвовавшее в творческом процессе [1].

Более того, это чревато монополизацией интеллектуальной собственности компаниями-разработчиками программного обеспечения, которые могут получать права на любые плоды работы своих программ. В результате пользователи и шире – общество – окажутся в положении зависимых от владельцев ИИ, что противоречит цели стимулировать творчество. Следует отметить, что законопроект 2020 г. так и не был принят, и на начало 2025 года в ГК РФ по-прежнему нет норм, закрепляющих права за разработчиками ИИ либо иными субъектами по отношению к результатам деятельности ИИ.

Тем не менее сама инициатива задала вектор обсуждения и выявила недостатки модели. Модель 2: права за пользователем (владельцем ИИ-технологии). Альтернативный подход,

который сегодня поддерживается большинством отечественных исследователей, состоит в том, что результаты, созданные ИИ, должны принадлежать человеку, использующему эту технологию в конкретном случае. Логика здесь следующая: именно пользователь ставит задачу, инициирует создание результата и заинтересован в его получении, поэтому он ближе всего к роли автора. Разработчик же создал лишь универсальный инструмент и не осуществлял творческого вклада в конкретное произведение. В поддержку этой модели высказываются многие ученые. В частности, Т. Е. Орлова предлагает внести дополнение в закон, согласно которому права на результаты, сгенерированные с использованием ИИ, первоначально возникают у собственника устройства или пользователя программы на основе ИИ.

Она обосновывает необходимость разграничения результатов работы ИИ на «внутренние», создаваемые для функционирования самой технологии и принадлежащие разработчику, и «внешние», создаваемые для пользователя и принадлежащие ему. Таким образом, права разработчика сохраняются лишь на те элементы, которые встроены в программу (например, фрагменты кода, генерируемые при обучении сети для ее улучшения), тогда как конечный творческий продукт, интересующий пользователя, должен отходить пользователю.

Сходную позицию занимает М. Г. Деврисашвили, прямо предлагая закрепить в ст. 1228 ГК РФ новую часть, согласно которой авторские права на результаты деятельности ИИ принадлежат собственнику устройства (программы), функционирующего на основе ИИ, или пользователю технологии, если программа предоставлена в общее пользование. Кроме того, он предлагает дополнить законодательство отдельным параграфом, определяющим ситуации, когда права принадлежат собственнику, а когда – пользователю, и устанавливающим объем таких прав. По мнению автора, эти изменения однозначно закрепят, что правообладателем результата ИИ является человек (владелец или пользователь), и подтвердят статус самого ИИ как вспомогательного средства без самостоятельного права авторства [2].

Данная модель представляется более справедливой и практически реализуемой, поскольку учитывает интересы непосредственного создателя задачи и потребителя результата. Она также согласуется с существующими аналогиями в праве – например, с нормой ст. 136 ГК РФ о принадлежности плодов и доходов собственнику вещи (хотя прямое применение норм о вещных правах к результатам ИИ и исключено ст. 1227 ГК РФ, сама идея о «плодах интеллектуальной системы» иллюстрирует экономический смысл закрепления прав за владельцем инфраструктуры ИИ). Отказ от охраны и общественное достояние. Отдельно стоит упомянуть радикальный подход, согласно которому результаты, созданные автономным ИИ, вообще не должны получать частноправовой охраны и могут рассматриваться как общественное достояние.

Обоснование этого подхода – отсутствие непосредственного автора-человека означает, что нечего охранять в рамках авторского или патентного права, а свободный доступ к таким результатам ускорит прогресс. Некоторые исследователи предлагали законодательно установить нулевой срок охраны для «машинных» произведений, то есть считать их перешедшими в общественное достояние сразу после создания. Однако данное решение противоречит международным обязательствам: Бернская конвенция не допускает признания произведения общественным достоянием иначе, чем по истечении срока охраны, что подтвердил и Верховный Суд РФ.

Кроме того, полное отсутствие охраны может отрицательно сказаться на стимулировании инвестиций в ИИ-творчество. Поэтому большинство специалистов полагает неоправданным полностью отказываться в правовой охране результатов ИИ – вместо этого нужно искать особые режимы защиты. Смешанные и компромиссные подходы. Учитывая сложность проблемы, ряд юристов предлагает многоступенчатые, дифференцированные решения. Так, Д. А. Казанцев отмечает, что результаты деятельности ИИ не являются

единообразными и требуют различного правового подхода в зависимости от степени участия человека и характера ИИ-системы [3].

В своей работе он выделяет несколько качественно разных вариантов использования ИИ при создании произведений и для каждого предлагает отдельный механизм правовой защиты. Например, если ИИ выступает лишь инструментом автора, можно применять нормы классического авторского права, признавая автора-человека. Если же ИИ создает результат практически автономно, Казанцев считает необходимым использовать иной инструмент – возможно, приближенный к институту смежных прав или совершенно новый правовой механизм. Он указывает, что не стоит противопоставлять подход, основанный на признании авторства человека, и идею о введении особого режима для результатов, созданных без автора – обе модели не конкурируют, а дополняют друг друга, применяясь каждая в своей ситуации.

В перспективе возможно формирование *suu generis* института интеллектуальной собственности – права на результаты деятельности ИИ, который не сводится полностью ни к традиционному авторскому праву, ни к патентному или смежным правам. Например, В. Аникин обосновывает необходимость появления нового института в праве интеллектуальной собственности, специально регулирующего результаты, созданные искусственным интеллектом, – по его мнению, назрели предпосылки для юридического признания таких объектов на особых условиях. Подобный институт мог бы заимствовать элементы существующих механизмов (авторского права, смежных прав, патентного права), но строиться по уникальной модели, учитывающей специфику ИИ.

Таким образом, в доктрине нет единого мнения, но преобладают две практические линии: либо адаптировать действующие нормы, расширив их применение на результаты ИИ через фигуру человека-правообладателя (разработчика или пользователя), либо создать новые правовые конструкции для охраны таких результатов. Каждая из рассмотренных моделей имеет свои плюсы и минусы. Общим является понимание того, что полностью игнорировать этот феномен нельзя – необходимы законодательные решения, устраняющие возникшую правовую неопределенность.

Осознание проблемы на уровне государства отражено в стратегических документах и первых шагах к реформированию законодательства. Распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р была утверждена «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года». В этой Концепции прямо указано, что действующая система интеллектуальных прав не обеспечивает охрану результатов, созданных ИИ без творческого участия человека, и поставлен вопрос о целесообразности расширения понятия творческого вклада либо о предоставлении охраны таким результатам в ином формате [4].

Также предложено определить, кто должен признаваться субъектом исключительного права на результат, созданный ИИ, и в каком режиме могла бы предоставляться охрана – то есть фактически поставлены те же вопросы, которые обсуждаются в доктрине. Концепция обозначила проблему и нацелила законодательные органы на поиск решений. Вместе с тем к 2024 году специальных норм так и не было принято. Обзор планируемых изменений ГК РФ на 2024 год подтвердил отсутствие поправок, касающихся ИИ и результатов его работы. Это указывает на осторожный подход законодателя: очевидно, что тема требует взвешенного анализа и согласования позиций. Однако отсутствие принятых законов не означает отсутствия движения. В марте 2023 года в прессе появилась информация о подготовке новой законодательной инициативы по определению авторских прав на результаты, связанные с ИИ.

Поводом, как сообщалось, послужили практические кейсы в индустрии (например, запуск сериала, созданного нейросетью, что поставило вопрос о правовом статусе такого контента). Ожидается, что законодатели вернуться к обсуждению поправок в часть четвертую

ГК РФ. Вероятно, будет учтен опыт предыдущего законопроекта 2020 года и высказанная критика. С высокой долей вероятности новая инициатива сместит акцент в пользу модели прав пользователя, поскольку именно эта идея получила поддержку в юридическом сообществе. Возможно также появление норм, определяющих минимальный необходимый творческий вклад человека для признания его автором при использовании ИИ – например, закрепление критериев творчества или оригинальности результата, полученного с помощью алгоритма. Перспективным направлением считается разработка специального правового режима для результатов, создаваемых ИИ. Этот режим может оформить компромисс между различными подходами. Если полностью признать за ИИ статус автора невозможно, то, как отмечают Казанцев и другие ученые, можно сконструировать новый объект прав – условно называемый «цифровым результатом ИИ» – и определить для него отдельный порядок охраны. По сути, речь идет о внедрении в законодательство *сui generis* института, который закрепил бы исключительные права на результаты ИИ за определенными субъектами (человеком или организацией) без использования категории авторства.

Такой подход избавил бы от необходимости искусственно искать автора там, где его нет, и позволил бы устанавливать сроки и объем прав по усмотрению законодателя. Например, высказывается идея, что право на результат, созданный ИИ, может быть по конструкции ближе к смежным правам, где охраняются не собственно произведения, а результаты технической или организационной деятельности (как фонограммы, базы данных и т.п.). Новый вид права мог бы охранять инвестиции и организационные усилия, вложенные в создание ИИ и получение результата, при этом не называя никого «автором». Такие изменения потребуют аккуратного включения в ГК РФ – вероятно, появится новый параграф в главе 70 или 71, посвященный отдельным объектам, созданным с использованием ИИ. Важно отметить, что при любом варианте развития законодательства следует сохранять баланс [5].

Чрезмерное расширение охраны – например, повсеместное присвоение прав разработчикам ИИ или признание всех алгоритмических результатов охраняемыми – может затормозить инновации и ограничить доступ общества к произведениям. С другой стороны, полное отсутствие охраны лишает стимулов тех, кто вкладывается в развитие ИИ-технологий и создание контента. Национальная стратегия развития ИИ 2019 г. подчеркивала, что избыточное регулирование в этой сфере может замедлить прогресс. Поэтому законодательному решению предстоит найти «золотую середину». Судя по текущим тенденциям, российский законодатель склоняется к тому, чтобы закрепить за человеком ключевую роль в любых сценариях: либо признать автора-человека там, где это возможно, либо предоставить права определенному человеку (пользователю или владельцу) там, где творчества нет.

Такой антропоцентричный подход соответствует и международной практике: например, в резолюции Европарламента 2020/2015 отмечено, что произведения, созданные с помощью ИИ при участии человека, должны охраняться, а полностью автономные творения ИИ – нет. В Великобритании еще в 1988 году ввели норму, согласно которой автором компьютерно-сгенерированного произведения считается лицо, сделавшее необходимые для этого организационные усилия – по сути, пользователь. Эти примеры, хоть и зарубежные, созвучны российской доктрине, предлагающей ориентироваться на активную роль человека.

Список литературы:

1. Орлова Т.Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 21. – С. 204–221.
2. Казанцев Д.А. Авторские права на результаты деятельности искусственного интеллекта и способы их защиты // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 4. – С. 909–931.

3. Деврисашвили М.Г. Авторские права на результаты деятельности искусственного интеллекта // Молодой ученый. – 2024. – № 6 (505). – С. 156–159.
4. Шестоперов Д. Что написано софтом // Коммерсантъ. – 11 ноября 2020. – С. 1.
5. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 35. – Ст. 5593.

